

Способность к творческому преобразованию мира становится критерием различения населяющих загробный мир душ, обладающие ею в наибольшей степени составляют божественный пантеон. Чем больше душ населяют мир и воспринимают его как связанное упорядоченное целое, тем сложнее оказывается его создателю нарушать это целое, внося в него какие-либо изменения: «В одиночестве он волен менять что угодно – надо лишь вообразить желаемый результат. На глазах у других душ все сложнее. Видимо, любая перемена – например, строительство башни – производит соответствующие перемены в умах всех наблюдающих душ. А души сильны сами по себе и обладают некоторой инерцией, особенно когда должны согласно увидеть создаваемое со множества разных точек зрения. Все в мире связано узами, которые необходимо разорвать, прежде чем произвести перемены, и узы эти плетутся восприятием душ» (Стивенсон 2020, с. 411).

Приведенные примеры демонстрируют, что создание мира в романе Нила Стивенсона происходит по законам, описываемым средствами семиотики, что может служить иллюстрацией определения творчества как проективной семиотической деятельности, в результате которой происходит трансформация прагматического, синтаксического или семантического правила чувственного восприятия, рассудка или разума и возникают либо новые объекты материальной действительности, либо новые понятия, новые способы сочетания знаков, новые идеи, концепты, фантазмы.

Источники фактического материала

Стивенсон Н. Падение, или Додж в аду. Книга первая. М.: Эксмо, 2020.

Библиографический список

Pavlenko A. (2022) Creativity as a Technology. In: Bylieva D., Nordmann A. (eds) Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 345. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_4

Демина А.И. Стратегии творчества как сюжет научной фантастики // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. – 466 с. – С. 211-219.

Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С.37-89.

Энгельмейер П.К. Теория творчества. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 208 с.

А.В. Думов

Государственный академический университет гуманитарных наук,
философский факультет, магистрант (г. Москва)

В.И. Кудашов

Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт,
кафедра философии, заведующий кафедрой (г. Красноярск)

«Новая космогония» Лема о взаимоотношениях философии и науки

Аннотация: Рассматривается тот образ взаимоотношений философии и науки, который формируется в рамках осмысления достижений мысли Аристидиса Ахеропулоса физиком

Альфредом Тестой, представляющим свое новое видение возникновения и развития Вселенной в произведении С. Лема «Новая космогония». Предметом нашего рассмотрения становится как сама образно представляемая модель отношений философии и науки, так и ее конкретные аспекты: понимание роли обеих отраслей знания в формировании представлений о законе природы, специфика философской гипотезы и ее отношения к гипотезе научной. Действие эвристических и мировоззренческих функций философии может неожиданным для самой науки образом трансформировать ход ее развития – эта мысль Лема полагается в качестве (конечно же, небесспорного) допущения, значимого для контекста современных дискуссий о взаимоотношениях философского и научного знания.

Ключевые слова: «Новая космогония» С. Лема, философия, наука, гипотеза, метафизика, методология, заблуждение.

«Новая космогония» С. Лема представляет собой образ презентации великого научного открытия в области физики и космологии, которое приписывается ученому будущего – Альфреду Тесте. Текст произведения стилизован под речь по случаю вручения нобелевской премии, в которой профессор Теста говорит о наиболее содержательно значимых аспектах своего исследования, а также предпосылках и условиях, которые способствовали рождению инновационных теоретических решений.

Для того чтобы подчеркнуть новшество идей Тесты, Лем делает ссылку на вымышленный сборник работ «От универсума Эйнштейна к универсуму Тесты», в котором данная речь была впервые опубликована (Лем 2019, с. 243). Здесь мы не будем асаться деталей непосредственного научного содержания речи Тесты (интересующегося читателя мы просто отсылаем к тексту произведения), а лишь дадим его небольшой набросок. Для пракосмоса, т. е. некоего первоначального состояния Вселенной, была характерной «лоскутность», т. е. он состоял из областей, которые были неоднородны с точки зрения реализующихся в них физических законов (Лем 2019, с. 263). Некоторые из этих областей были пригодны с точки зрения условий для того, чтобы в них в той или иной форме возникало нечто, что можно было бы назвать жизнью. Так возникали працивилизации, развитие которых протекало обособленно (Лем 2019, с. 264). Каждой из працивилизаций было присуще осознание собственной «единственности» во Вселенной, а для их жизнедеятельности было характерно «расширение границ влияния» в ходе «придания окружению черт стабильности», которое потенцировалось совершенствованием знания и накоплением энергии. К слову, то, что мы называем «совершенствованием знания», в тексте Лема характеризуется лишь как «накопление» (Лем 2019, с. 264). Вопрос о том, выражает ли эта характеристика кумулятивистские склонности в представлениях о развитии науки самого Лема, или вводится им лишь как ни к чему не обязывающая деталь воображаемой речи, остается открытым.

По прошествии определенного времени, расширяя границы своего влияния, каждая из працивилизаций сталкивалась с явлениями, исток которых коренился не в стихийности условий пракосмоса, а в непосредственной активности иной, сопредельно развивающейся працивилизации (Лем 2019, с. 264). Дело в том, что в рамках сюжета, рисуемого Лемом, постулатом теории развития працивилизаций, которой придерживается Теста, является то, что достигая определенного уровня развития, цивилизация превращает физику окружающей среды как в инструмент для реализаций целей собственного развития, так и в непосредственно преобразуемый объект. Законы физики «пишутся» ходом развития цивилизации, ростом ее преобразовательных возможностей, тогда как предшествовавшие ее зарождению физические условия с их законами служат только «холстом» для будущего произведения. От имени Тесты Лем утверждает об этом так: «Сама Физика представляет собой машину для такой цивилизации!» (слово «физика» дано с большой буквы у автора (Лем 2019, с. 259)). Постепенно в рамках этого взаимодействия «игроков» космогенетического процесса формируются правила, происходит нормативная

стабилизация игры: игроками избирается стратегия, ведущая к унификации законов природы, «удерживающих космос в однородности движения» (Лем 2019, с. 286). И так, космогоническая теория Тесты основана на теоретико-игровом моделировании: как метко отмечает А.К. Гуц в статье, посвященной формализации основных идей «Новой космогонии», партия, однажды сыгранная сознаниями в неоднородной среде, породила всю нашу Вселенную (Гуц 2014, с. 55). Вопросы о том, как и согласно чему происходит / может происходить трансформация стратегии игры, какими целями мотивирована деятельность игроков, Теста оставляет без ответа (Лем 2019, с. 286) (очевидно, что их решение лежит далеко за пределами физического знания).

Но мы предлагаем обратить внимание на совершенно иные детали произведения (очевидно, что содержание концепции Тесты представляет собой красивый плод писательской фантазии Лема, и если бы идеи, подобные тем, что представляет в произведении Теста, были высказаны кем-то из физиков современности, то ввиду своего содержания они заняли бы место где-то рядом со всевозможными вариациями на тему приложения идеи разумного замысла к данным современной космологии). Фактически, вся речь Тесты построена вокруг того, что он воздает должную благодарность непосредственному инициатору и первооткрывателю тех истин, которые Теста, в свою очередь, «перевел» на язык современной ему физики (чем, очевидно, и увековечил свое имя в ряду величайших исследователей природы и нобелевских лауреатов). Речь идет о Аристидесе Ахеропулосе, философе, сферу интересов которого составляли проблемы современного ему естествознания, но чьи достижения, однако, приобрели скорее скандальную известность, нежели получили должное признание после опубликования им в форме работы, которая, собственно, и носила имя «Новая космогония» (Лем 2019, с. 224). На наш взгляд, эта работа Лема посвящена именно осмыслению той неоднозначности и сложности, которая существует в рамках взаимоотношений философского и научного знания. Именно к основным аспектам этих взаимоотношений, раскрывающимся в речи Тесты (т. е., во взглядах ученого), мы и обратимся далее.

Первое, что становится ясно – это то, что Теста ощущает, что находится в долгу перед Ахеропулосом. Несмотря на существование достаточно скептических взглядов на работу Ахеропулоса, сторонники которых рассматривают таковую как не более чем литературный опус, а также мнения о том, что значимость идей Ахеропулоса стала явной лишь благодаря трудам Тесты, которые придали им статус чего-то большего, чем парения философской мысли, Теста заявляет, что «Ахеропулос смог прекрасно обойтись без Тесты, тогда как Теста всем обязан Ахеропулосу» (Лем 2019, с. 244-245). Это суждение можно интерпретировать двояко: с одной стороны, оно может быть понято как указание Тесты на значимость знакомства с исследованиями Ахеропулоса для его собственной научной биографии («физиком я стал благодаря Ахеропулосу...он обратил меня...» (Лем 2019, с. 251-252)), с другой стороны, его можно понять как указание на автономный характер работы философа и/или на ту необыкновенную силу ума, результатом применения которой и стал труд Ахеропулоса («Одиночество должно стать уделом такого новатора...» (Лем 2019, с. 250), «Обособленность идей Ахеропулоса, увы, не имеет себе равных в истории разума» (Лем 2019, с. 253)).

В первом случае может быть подчеркнута то, что философия популяризирует научное знание, обобщая его: нередко философское исследование, «вписывающее» то или иное теоретическое представление в мировоззренческую систему, в модель мира, может иметь популяризирующую функцию за счет реализуемого им упорядочения и обобщения. Прочтение философского произведения, посвященного мировоззренческому осмыслению каких-либо данных естествознания, может послужить толчком для зарождения личного исследовательского интереса.

Но, что более значимо, философия может «обратить» к науке, дав систематические представления о сущности научного метода и правилах его применения в постижении объектов и явлений действительности. Ориентируясь на данную функцию философии,

американский философ и «богослов свободной религии» Ф.Э. Эббот во введении к работе «Научный теизм» (1885 г.) упрекает современную ему философию в том, что она уклоняется от задачи создания реалистической теории познания, обобщающей отношение ученого-исследователя к природе и изучаемым сущностям (Abbot 1888, p. 31). В свою очередь, швейцарский мыслитель Э. Навиль в «Логике гипотезы» (1880 г.) говорит о значимости философской культуры для грамотного применения принципа разыскания единства (который сам по себе является философским) при создании научных гипотез (Навиль 2020, с. 231). Возможно, в этом смысле Тесту могла впечатлить методологическая строгость и научность (в смысле признания действительной значимости добываемых наукой фактов для формирования знания о мире как таковом), которую проявил Ахеропулос при решении загадки *Silentium Universi*: «...факты... являются основой познания. Возможно ли, что все теории всех наук ложны..? Нет, столь явно и единодушно они не могли заблуждаться. А это значит, что факты, которые мы наблюдаем... вовсе не противоречат теориям. Необходимо заново проинтерпретировать совокупность данных и совокупность обобщений» (Лем 2019, с. 256). В этом смысле философ Ахеропулос выступает примером верности науке и строгости в обращении с ее базовыми принципами и фактами, имеющими образующий характер, примером того, что является значимым для всякого ученого-естественника.

Во втором случае подчеркивается сама специфика философской работы, особенности поля философского знания. Интересным в этом контексте представляется замечание английского физика и математика Дж.Х. Джинса, сделанное им в работе «Физика и философия» (1942 г.): «Если мастерской (*workshop*) ученого является его лаборатория, открытое пространство или звездное небо, то мастерской философа является его собственный разум» (Jeans 1948, p. 17). Интересно, что Джинс упоминается в числе великих физиков-предшественников Ахеропулоса, отталкиваясь от характерных черт мысли которых (например, от изумления самой возможностью математического описания законов природы), он строит свою систему воззрений (Лем 2019, с. 252). Возможно, именно то обстоятельство, что «мастерской» Ахеропулоса был его собственный разум, и вся система представлений, изложенных в «Новой космогонии», представляет собой плод последовательного умозрения, и позволяет Тесте сказать о том, что «Ахеропулос мог прекрасно обойтись без Тесты». Но уже из приведенной Тестой совокупности биографических сведений становится ясно, что Ахеропулоса не стоит относить к той категории мыслителей, построения которых являются спекулятивными в негативном смысле этого слова. Несмотря на то, что Ахеропулос занимался построением философской системы, он не пренебрегал фактами, не отвергал фиксированных данных опыта. В этом смысле содержание его «Новой космогонии» созвучно требованию, сформулированному американским химиком и научным мыслителем Д.П. Куком в его «Свидетельствах науки» (1888 г.): «Для того, чтобы возвести собственную философию на прочном и непоколебимом основании, убедитесь в актуальных фактах» (Cooke 1888, p. 183). Созвучна его деятельность и постулируемому известным философом-позитивистом М. Шликом в статье «Философия и естествознание» (1934 г.) требованию, согласно которому философ не может прийти к мировоззрению иначе, как с помощью естественнонаучной картины мира (Шлик 2010, с. 482).

Ахеропулос отнюдь не пренебрегал опытными фактами, но все же сам формат его деятельности существенно отличался от того, который можно было бы назвать научным. Именно по этой причине Теста говорит об интуитивном характере его космогонических представлений (Лем 2019, с. 245): если сам Теста строил формализованную научную теорию, то для Ахеропулоса, очевидно, характерной была «методологическая свобода» в построении структуры изложения. Он не действовал подобно ученому в том отношении, что он не занимался описанием полученных соотношений, лежащих в основе действительности, на языке математики, равно как не предпринимал он и попыток эмпирической верификации собственных предположений. Но это не препятствовало тому,

чтобы его интенции относительно законов природы оказались столь созвучными действительности. Ученый фиксирует закон как математическое (и сопутствующее ему словесное) выражение соотношения действия каких-либо факторов независимо существующей реальности. На уровне обыденного реализма ученого-практика сопоставляются связь понятий формулировки закона и соотношение их референтов в действительности. Философ же осмысляет сам характер нормативности закона (интересен пример в работе Кука (Cooke 1888, p. 158-183)). Очевидно, что философ в этом отношении является гораздо более уязвимым для заблуждения, а его построения – более подверженными действию фактических ошибок, чем теоретически оформленные результаты исследовательской активности ученого. Существуют и красноречивые примеры этой уязвимости: показателен случай ошибки, совершенной философом А.А. Зиновьевым в стремлении логически обосновать недоказуемость теоремы Ферма. Его прогноз относительно недоказуемости теоремы не оправдался (ее доказательство было получено Э. Уайлсом в 1994 г.), а сами логические построения получили от видного представителя логики и математики XX в. Георга Крайзеля характеристику «тератологических» (Kreisel 1979, p. 264). Но не делает ли подобная подверженность ошибке более ценными те философские заключения, которые оказываются удивительным образом созвучными действительному порядку реальности?

Достижение Ахеропулоса заключается именно в том, что, несмотря на наличие неизбежных фактических ошибок при построении рассуждений, ему удается получить несколько значимых положений с опережением возможности их научного доказательства. Определенность, которая, по замечанию О.Г. Ли (Lee 1940, p. 9), характеризует философские прозрения, в отличие от требующих подтверждения научных предположений, являющихся гипотетическими по своему характеру, в данном случае сыграла свою положительную роль. В этом смысле философия не только «множит вопросы» (Черепанов 2017, с. 17), но и наряду с наукой участвует в процессе постановки проблем познания: научные проблемы ставятся в контексте определенной мировоззренческой системы, т. е. конституируются совокупностью базовых допущений о характере и свойствах действительности, а мотивационные факторы научного развития также имеют в своем основании ценностные предпосылки, основанные на мировоззренческих интуициях. По замечанию Шлика, исследование природы не говорит о философии, но несет ее в себе (Шлик 2010, с. 482), т. е. имплицитно предполагает применение определенных философских допущений и технологий мышления. «Красота» результатов естественнонаучного познания, которой последнее, согласно Шлику (Шлик 2010, с. 482), обязано философией, есть не что иное, как следствие гармонического вхождения нового результата в систему знаний о мире. Эта гармонизация системы знания является следствием работы не только формальных, но и содержательных средств.

Методологическая ценность определенных философских решений для научного познания также не может быть рассмотрена «инструментально», в отрыве от тех базовых представлений о характере познания и постигаемой действительности, которые приводят мыслителя к заключениям о характере метода. Впечатление определенного рода наивности создают скептические заявления относительно позиций, согласно которым методологические представления являются укорененными в результатах философского познания (Медведев 2019, с. 4). Конечно же, широта целеполагания методологии науки является меньшей, нежели та, что присуща философской рефлексии науки в целом, но из этого еще не следует того, что методология науки выделилась из философии, обособилась от нее (Медведев 2019, с. 4). Методологическая рефлексия, в том числе в ее приложении к решению конкретных задач, к примеру – установления релевантности применяемого методологического аппарата (вопросы адекватности методов предмету и задачам), а также поиску возможностей корректировки требований использования методологического средства, всегда предполагает использование вполне философских по своему характеру и структуре допущений о значении познания, целях метода, возможностях постижения

действительности, соотношении человеческого разума и природы. В большинстве своем методологические исследования создаются или специалистами-философами, или учеными, имеющими достаточный уровень философской культуры для работы с проблемами подобного профиля.

Методологический догматизм (иногда характерный, впрочем, и для философов, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения) и отсутствие достаточного уровня философской культуры просто не смогут позволить исследователю выйти за пределы того узкого операционального представления о значении метода, которое сформировалось у него в силу особенностей реализуемой им практики. Описываемое Лемом мнение Ахеропулоса об ограниченности возможностей математического описания законов действительности в силу ее номологической незавершенности (Лем 2019, с. 252-253), будучи шокирующим по степени своей радикальности, в действительности используется как метафора того рационально-критического отношения к устоявшимся представлениям, которое характеризует философское мышление (и в котором коренится ценность его результатов для организации научного познания). Инструментами философской критики могут выступать как логические средства, отображающие и корректирующие сам строй мысли, так и образные конструкции, лишь направляющие мысль в определенное русло. Метафорическое соотнесение космогенеза с развитием колоний бактерий, высаженных на питательную среду (Лем 2019, с. 262), введенное Ахеропулосом, наполняется в исследованиях Тесты конкретикой эмпирического содержания и результатами теоретических обобщений. Здесь интересным кажется замечание Ли, согласно которому философия в определенных случаях может быть названа методом (Lee 1940, p. 16), но сама не имеет единого метода проверки собственных гипотез (Lee 1940, p. 12), и это состояние методологической неопределенности является для нее естественным: благодаря нему она может принимать различные формы и подстраиваться под решение любых актуальных задач развития познания.

В заявлении Тесты о том, что в свете теперешних знаний имеет место соответствие взглядов Ахеропулоса действительности, несмотря на содержащийся в них ряд ошибок и упрощений, Лем резюмирует саму неоднозначность путей взаимодействия философского и научного познания, формирующего и сам критериальный аппарат такового соответствия. Как известно, ситуации дисфункции еще не должны становиться основанием для отрицания того, что какому-либо предмету вообще может быть свойственно реализовать соответствующую функцию. Вопреки существованию массы отрицательных примеров, Лемом в образе Ахеропулоса воплощается представление о философии, которая способна к продуктивному взаимодействию с наукой и обогащению человеческого знания. О ценностной значимости этого представления мы предлагаем судить самому читателю.

Библиографический список

Гуц А.К. Формализация новой космогонии Лема // Математические структуры и моделирование. 2014. №3(31). С. 48-56.

Лем С. Новая космогония // Абсолютная пустота: сборник. Пер.с польского. М.: АСТ, 2019. С. 243-286.

Медведев Л.Н. Методология науки — новый подход к учебному курсу // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №4. С. 1-13.

Навиль Э. Логика гипотезы. Пер.с фр. И.А. Панаева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. 368 с.

Черепанов С.К. Философия и наука: стратегия противостояния // Философия науки. 2017. № 3(74). С. 17-30.

Шлик М. Философия и естествознание // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: Идея-Пресс, «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 462-482.

Abbot F.E. Scientific Theism. Boston: Little, Brown and Company, 1888. 262p.

Cooke J.P. The Credentials of Science. The Warrant of Faith. New York: Robert Carter and Brothers, 1888. 346 p.

Jeans J.H. Physics and Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 234 p.

Kreisel G. Comment on Zinoviev's Paper // Logique et Analyse. 1979. Vol.22. No. 87. P. 263-264.

Lee O.H. Philosophy and Science // Philosophy of Science. 1940. Vol.7 (1). P. 7-17.

А.М. Зотов

врач-психотерапевт, главный врач медицинского центра «София»,
аспирант кафедры философии,

Самарский национальный исследовательский

университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия.

E-mail: am-zotov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7427-3402/>

Контакт с Океаном Соляриса, или «ожидание чудес» как часть исследовательской стратегии

Аннотация: Вот уже более шестидесяти лет земляне своими текстами и гипотезами продолжают пополнять библиотеку соляристики. Хотя уже во времена прилета К. Кельвина на орбитальную станцию материалов накопилось так много, а науки о планете-океане стали столь дифференцированными, что возник печальный и логичный вопрос, выраженный одним из ученых: «Как мы можем понять Солярис, если мы не можем понять друг друга?!». Массовый интерес иссяк, а экспедиции сократились до орбитальной станции с тремя специалистами. В помощь к ним откомандирован психолог, который в своих расследованиях событий на станции, подобно Эдипу, приходит к самому себе. Оказывается, что все эксперименты по исследованию Океана необходимо отложить и заняться делами личными и столь насущными, как обстоятельства неодолимой силы. Оптика ученого разворачивается вглубь него самого. Можно сказать, что Кельвин проходит личную терапию, лежа на кушетке психоаналитика, роль которого выполняет Океан. Но видеть в романе только это – значит быть в нарциссическом самосозерцании, на что регулярно указывает сам Лем в своем творчестве. Почему в деле налаживания Контакта Кельвин продвинулся дальше коллег? Являет ли Кельвин собой пример того, что прежде чем исследовать внешнее, ученому необходимо разобраться с внутренним? Иначе, будучи слеп к своим Гостям, он не сможет проникнуть глубже поверхности? Таким образом, можно рассмотреть эволюцию Кельвина на станции как движение сквозь личностные слои, орбиты к обретению профессионального зрения, адекватного поставленной задаче по налаживанию Контакта с Океаном.

Ключевые слова: соляристика, уровни личностной организации, типы социальных отношений, Эдип, Нарцисс, Прометей.

«Приветствую вас, коллеги, на орбитальной станции планеты Солярис», – такое стартовое обращение к присутствующим на конференции с названием «Лемовские чтения» больше всего подходит для докладчика в позиции включенного наблюдателя, исследователя процессов, происходящих на Солярисе и отраженных в одноименном романе С. Лема.

Самонаблюдение – вот важнейшая часть исследовательской стратегии, которую выбрал, а, точнее, вынужден был выбрать Крис Кельвин, главный герой романа, что ключевым образом дополнило его аналитико-синтетическую работу на станции. Выбирая